

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1897—1898.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ТРЕХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

257. D-r W. Caland. Die Altindischen Todten- und Bestattungsgebräuche mit Benutzung handschriftlicher Quellen dargestellt. Amsterdam 1896. (Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Afdeeling Letterkunde. Deel I. № 6) XIV + 191 стр. 8^o.

Новая монографія г. Каланда представляетъ продолженіе его прежнихъ изслѣдованій въ области древне-индійскихъ обрядовъ культа мертвыхъ. Здѣсь авторъ занятъ подробнымъ разборомъ обрядовъ, группирующихся вокругъ смерти и погребенія индуса. Картина этихъ обрядовъ восстановлена на основаніи правилъ, принадлежащихъ 13 различнымъ школамъ (толкамъ). Такъ какъ основа обряда во всѣхъ школахъ одна и та же, то авторъ въ изложеніи группируетъ матеріалъ вокругъ главныхъ моментовъ, начиная со смерти и кончая насыпаніемъ кургана надъ останками умершаго. Въ прибавленіи помѣщены замѣчанія о древнѣйшемъ ритуалѣ, объ описаніяхъ погребенія въ эпическихъ поэмахъ и нѣкоторыя объясненія ритуала. Къ книгѣ приложены указатели разбираемыхъ терминовъ, комментируемыхъ мѣстъ и предметный указатель. Таковъ остовъ и общій видъ книги.

Что касается изложенія и толкованія обрядовъ, то здѣсь прежде всего бросается въ глаза полнота и обстоятельность. Въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ тексту авторъ не только даетъ толкованія темныхъ и спорныхъ мѣстъ, но всегда обращаетъ вниманіе и на современные обычаи индусовъ и указываетъ тѣ черты, которыя до сихъ поръ удержались въ жизни. Часто указываются и такія черты, которыя имѣютъ значеніе для общей исторіи культуры Индіи. Такъ напр. на стр. 42 и сл. описывается обрядъ возведенія на приготовленный костеръ вдовы умершаго. Послѣ этого братъ умершаго беретъ ее за руку и велитъ ей встать съ костра, говоря между прочимъ слѣдующее: «Ты теперь сдѣлалась женою того, который хочетъ владѣть тобою и беретъ тебя за руку» или въ другой редакціи: «Ты принадлежишь жениху, который беретъ тебя за руку; я теперь занимаю мѣсто твоего супруга». Изъ этого Каландъ совершенно правильно выводитъ, что левиратъ является обычаемъ ведическаго періода, когда сожженіе вдовъ уже вышло изъ употребленія, оставивъ по себѣ слѣдъ въ обычаѣ возводить вдову на костеръ.

Такъ какъ главный интересъ монографіи Каланда заключается въ разборѣ подробностей обрядовъ, и такимъ образомъ даже простая передача содержанія книги заняла бы слишкомъ много мѣста, то мы остановимся только на нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ и выводахъ автора, не касаясь по существу главнаго содержанія. На стр. 163 и сл. авторъ указываетъ на то, что методологически неправильно восстанавливать ведическій ритуаль

на основаніи однихъ только гимновъ (главнымъ образомъ Ригведы). Поэтому попытки Рота, Кегн, Лефмана и Циммера нужно считать неудачными. Содержаніе сутръ по древности, по большей части, не уступаетъ брахманамъ. Кромѣ того многіе гимны Ригведы, очевидно, представляютъ изъ себя сводъ тѣхъ мантръ, которыя сопровождаютъ обрядъ, и эти мантры часто расположены не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны произноситься при совершеніи обряда. Желая возстановить ритуалъ на основаніи только однихъ мантръ, ученые толкуютъ ихъ совершенно произвольно, впадаютъ такимъ образомъ въ непримиримыя противорѣчія съ тѣмъ, что даютъ намъ сутры, и сами ставятъ себѣ новыя затрудненія при объясненіи историческаго развитія обрядовъ.

Далѣе авторъ предполагаетъ, что въ древнѣйшія, доисторическія времена вмѣсто сожженія труповъ практиковалось погребеніе. Въ этомъ смыслѣ онъ толкуетъ то обстоятельство, что нѣкоторыя сутры дозволяютъ (а иныя и запрещаютъ) удалять изъ трупа нечистоты. Авторъ думаетъ, что удаленіе нечистотъ можетъ имѣть смыслъ только при погребеніи, и объясняетъ этотъ обычай, какъ пережитокъ отъ тѣхъ временъ, когда трупы погребались. Запрещеніе этого обычая принадлежитъ тому періоду, когда уже утвердилось сожиганіе, и объясняется желаніемъ оставить невредимымъ тѣло, которое должно продолжать свою загробную жизнь. Нельзя не признать, что именно это соображеніе едва-ли могло-бы служить доказательствомъ существованія погребенія у индусовъ, если-бы не существовало другихъ указаній на то, что и въ ведическій періодъ рядомъ съ сожженіемъ практиковалось и погребеніе. Ср. Н. Oldenberg, *Die Religion des Veda*. Berlin 1894. Стр. 570 сл.

Въ толкованіи подробностей ритуала (стр. 171 сл.) авторъ обращаетъ вниманіе на двѣ характерныя черты. Во-первыхъ, главнымъ мотивомъ большинства обрядовъ авторъ признаетъ «обязнь того, чтобы душа умершаго не возвратилась и не повредила оставшимся въ живыхъ родственникамъ». Этимъ объясняется напр. то, что вокругъ трупа льютъ воду, черезъ которую душа уже не можетъ перейти; кладутъ камень, изображающій гору, которая должна отдѣлять живыхъ отъ мертваго; крикъ, музыка, пѣніе, танцы должны, по мнѣнію автора, отпугивать душу и т. под. Во-вторыхъ, въ обрядахъ, относящихся къ культу мертвыхъ, часто являются подробности прямо противоположныя подробностямъ культа боговъ: жертвенный шнурокъ повязывается подъ лѣвое плечо вмѣсто праваго; къ огню подходятъ съ юга, а не съ сѣвера; число предметовъ употребляется нечетное вмѣсто четнаго; жертвенное животное должно быть черное, а не свѣтлое; всѣ предметы употребляются старыя, а не новыя и т. под.

Конечно, этими двумя чертами объясняется далеко не все въ разбираемыхъ обрядахъ, остается много подробностей совершенно неясныхъ. Толкованіе ихъ составляетъ задачу историко-сравнительнаго изученія обрядовъ индоевропейскихъ народовъ. Но это изученіе должно основываться на детальной разработкѣ обрядовъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ племенъ, и въ этомъ смыслѣ изслѣдованіе г. Каланда несомнѣнно сослужитъ послѣдующимъ изслѣдователямъ хорошую службу.

Д. Нудравскій.

258. P. Casanova. Inventaire Sommaire de la collection des monnaies musulmanes de S. A. La Princesse Ismaïl. Paris, 1896. XVI+200 стр. 8°.

Настоящій каталогъ, составленный хранителемъ восточныхъ монетъ Парижскаго Національнаго Мюнцкабинета П. Казановой, даетъ намъ возможность познакомиться со знаменитою въ свое время коллекціею монетъ покойнаго египетскаго хедива Исмаила Паши, которая теперь перешла къ его вдовѣ. Книга г. Казановой даетъ только простой списокъ 3910 содержащихся въ ней монетъ и 1158 дублетовъ ихъ по династіямъ, эмирамъ, мѣстамъ чеканки и годамъ.

Несмотря однако на громадные финансовыя средства хедива и благоприятныя условія, въ которыхъ онъ имѣлъ возможность коллекціонировать, коллекція его не занимаетъ выдающагося положенія среди собраній этого рода въ европейскихъ государствахъ. Въ ней представлены всего 58 мусульманскихъ династій, т. е. менѣ одной четвертой части всѣхъ извѣстныхъ мухаммеданскихъ династій, оставившихъ намъ монеты. Даже египетскія династіи Фатимидовъ, Эюбидовъ и Мамелюковъ представлены здѣсь бѣднѣе, чѣмъ въ Британскомъ Музеѣ. Тѣмъ не менѣе въ коллекціи хедива имѣются и большія рѣдкости, какъ напримѣръ динаръ Саалукидовъ (№ 1039, Мухаммедіе, 316 г.), диргеми революціонера Ахмеда эль-Ходжестани, битый въ Гератѣ въ 268 г. (№ 1042) и другой бунтовщика Себкерп, битый въ 296 г. въ Фарисѣ (№ 1043). Напрасно только г. Казанова считаетъ перечисленные монеты имѣющимися только въ коллекціи хедива и въ Cabinet de France. При всей ихъ рѣдкости монеты этихъ лицъ извѣстны и въ другихъ собраніяхъ. Такъ саалукидскій динаръ, битый въ Мохаммедіи, въ 316 г. имѣлся въ коллекціи Делеклюза (№ 1790), откуда онъ поступилъ въ Импер. Эрмитажъ. Того же султана Мухаммеда бенъ Али извѣстны динары, выбитые тамъ же, въ 315 (Br. Mus. Cat. Add. I, с. 180, № 293p) и 317 г. г. (Coll. de L'Écluse, № 1791—92). Отъ Ахмеда эль-Ходжестани извѣстны еще два диргема, битые въ Нисабурѣ въ 267 г. (Journ. Asiat. 1841, sept. p. 388) и въ